

Михайло Казаринец

Матвей-то, Лука, дети Петровици,
Третьей-от — Михайлушко Козаренець.
На родимах Михайлушка испортили,
Его отдали к бабушки-задворенки,
Да отдали к бабушке водитисе —
Да водилась с ним бабка до семнадцать лет.
Ковда сполнилось Михайлушку семнадцети лет,
Да можот Михайлушко конём владать,
Ищэ можот Михайло во седле сидеть.
Как просил он у бабки благословленьицо
Как съездить-то он да во чисту полю.
Давала ему бабка благословленьицо,
Посылала Михайла к отцу, к матери.
Пошел как Михайло к отцу, к матери,
Просил он, Михайло, у отца, у матери,
Просил он, Михайло, благословленьицо
Съездить-то он да во чисто полё.
Давают отец-мать благословленьицо,
Посылают Михайла да на конюшен двор.
Вот походит Михайло на конюшен двор,
Выводит зеребцика семи цепей,
Семи как цепей, да семи розвезей,
Овернул он зеребцика кругом себя,
Накинул на зеребцика руку правую —
Не мог устоять конь на резвых ногах,
Ёсел тут жеребчик до подбрюх в землю.
Ему ётоя лошадь не по разуму,
Не по тому как обычаю молодецкому.
Ён выводит зеребцика девети цепей,
Девети он цепей, девети розвезей,
Ёвернул он зеребцика кругом себя,
Как накинул на жеребцика руку правую —
Не мог устоять конь на резвых ногах,
Ёсел тут жеребчик до колен в землю.
Ему ётая лошадь не по разуму,

Не по тому как обычью молодецкому.
Да вывел жеребчика о двенадцеть цепей,
Как двенадцети цепей, двенадцети розвезей,
Овернул он жеребчика кругом себя,
Да накинуд на жеребчика руку правую —
Не мог устоеть конь на резвых ногах,
Осел тут жеребчик до щетоцек.
Ему ётая лошадь как по разуму,
По тому как обычью молодецкому.
Он седлал ле, юздал да коня доброго,
Он двенадцеть чепей да церез степ метал,
Он тринадцеть подпруг да сам подстегивал,
Через ту как хребетницу лошадинную:
Вот не ради басы сам — ради крепости,
Не оставил штобы доброй конь в чистом поли.
Тут не видели поезки да молодецкой,
Тежолой побежки да лошадиной,
Только видели сажёнье молодецкое:
В стремена он ступил, да на коня скочил,
В стремена он ступил — курива стоит,
На коня он скочил — дак дым столбом валит.
Как гонит молодеч по роздольичу,
Только сивая грива ростилайтце,
Как хвост-от трубой да завиваитце.
Едут ле в поле да три тотарина,
Везут как девицу да бладо красную,
Да плачёт девица, да уливайтце,
Во слезах-то Миколу да Богу молитце:
«Меня вынеси, Микола, да из неверной земли!»
Как первой тотарин да уговариват:
«Не плачь ты, девица, не печалуйся,
У мня есть, девица, да чадо милое,
Возьму я тебя да за его взамуж!»
Пуще старого девица да уливайтце,
Во слезах-то Миколу да Богу молитце:
«Ты Светитель Микола да многомилостив!
Меня вынеси, девицу, из неверной земли!»
Как другой-от тотарин да уговариват:
«Ты не плачь-ко, девица, да не печалуйся,

Я возьму как тебя да за себя замуж!»
Пуще старого девица да уливайтце,
Во слезах-то Миколу да Богу молитце:
«Ты Светитель Микола да многомилостив!
Меня вынеси, Микола, из неверной земли!»
Как третьей-от тотарин да наговариват:
«Ты не плачь-ко-сь, девица, да не печалуйсе,
У мня есь ле, девица, да сабля вострая,
Не о цью она шею не кровавлена,
О твою её шею да окровавлю ей!»
Пуще старого девица да уливайтце,
Во слезах-то Миколу да Богу молитца:
«Ты Микола, ты Светитель да многомилостив!
Меня вынеси, девицу, из неверной земли!»
Как не ветру полоска перепахнула —
Нагонил тут Михайлушко Козаринець:
Он одного тотарина конем стоптал,
Ён другого тотарина копьём сколол,
Да и третьего тотарина саблей смахнул.
Он-де взял-де девицу да блады красную,
Взял-то девичу себе да на добра коня,
Повёз ле девицу да из чиста поля:
Вот как та нонь девича да ему сестра,
Да привёз он к своему к отцу, к матери.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., с. Усть-Цильма Печорского у. — от Чупрова Григория Ивановича, 50 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.